

□

Я возненавидел свой край, потому что он напоминал о ней. В бегстве от болезненных воспоминаний и желании быстрее покинуть его, я поступил в университет и переехал жить в Токио. У меня не было особой мечты или цели, я просто хотел сбежать, и специально выбрал наиболее далекий университет. Без всяких раздумий оплатил вступительный взнос, выбрал дешевое общежитие и в почти повседневной одежде уехал.

Не сказать, что край был таким уж далеким от города. На поезде путь до Токио занимал всего лишь несколько часов. Несмотря на это, уехав, я больше не возвращался. Я часто общался с родителями по телефону, они говорили, что надо хотя бы на Новый год или обон домой приезжать. Но с давних пор я отличался упрямым характером, из-за чего с первого курса по

зиму второго курса, я действительно не был дома ни разу.

Однажды я получил электронное письмо от моего друга детства Тани Коки, с кем я учился с младшей по старшую школу, на следующий день после того, как место для церемонии совершеннолетия решили перенести из моего в его дом.

«Ты же приедешь? - писал он. - Все давно хотели повидаться с тобой».

Если бы это было единственное сообщение, я мог бы и не ответить. Однако, следом последовало такое же короткое, но не менее емкое предложение, что было вполне в стиле Тани.

«Зажги курительную свечу для Аой».

Вслед за чувством вины, о котором я позабыл за последний год, я вдруг осознал, что ни разу не зажег свечу, и только одно это предложение меня глубоко тронуло.

И наконец в январе, впервые почти за два года, я ступил на родную землю. Снег, накрывший все вокруг белым ковром, язвительно припомнил мне, как я в Токио с такой же холодностью отказался покупать лоферы.

□

После формальной церемонии совершеннолетия состоялась встреча выпускников. Лица знакомых не сильно изменились, но встреча спустя два года вызвала невольно глубокие чувства.

Тани, который прислал мне электронное письмо, будучи секретарем мероприятия, в начале выглядел весьма занятым, но в конце концов подошел ко мне; сел рядом и впервые улыбнулся. Я не видел его два года, но в своей одежде с хакама Тани выглядел совсем, как Сяхоу Дунь. Вокруг многие парни носили хакама; я же был в том же костюме, что носил в Токио, отчего меня часто поддразнивали «не смей пить саке».

- Покидающие Минекиту становятся словно другими, - присоединился к разговору полнолицый мужчина. То был Судо.

- Не такой уж и волшебный, тот город.

- Вот оно как. Сейго, что-то ты выглядишь нездоровым. Кажется, городской воздух плохо на тебя влияет.

Сейго, так меня звали. Ватару Сейго.

- Это все из-за моего питания. С тех пор, как я стал жить один, я похудел на пять килограммов, - сказал я с горькой улыбкой. Только живя один понимаешь, насколько полон обеденный стол в доме родителей.

- В самом деле? Ты хорошо питаешься? Два года назад ты даже рис толком не ел, - с полной серьезностью сказал Тани.

Возможно, обо мне волновались куда больше, чем я думал, и почувствовал себя сейчас виноватым.

- Неужто я был так плох?

- Да и сейчас не лучше. Вон какой бледный.

- Вот как.

- Четыре года прошло. Прекращай, пора оставить прошлое. Гляди, сколько девушек вокруг. Надо будет, познакомлю.

Со слабой усмешкой я оттолкнул придвинувшегося Тани.

- Все в порядке. Спасибо. Но я пока что не готов.

Тани сдвинул брови, крепко задумавшись.

- Ну, - сказал он, - да, конечно. Она была красива. Такой красавицей, словно с картины сошла... Аой.

Услышав это имя, я напрягся, и рукой сжал правый карман брюк.

В то время я учился на втором курсе старшей школы; она была старше меня два года, но училась только на курс выше, на третьем. Длинные волосы, белоснежная кожа, ноги и руки хрупкие, будто сломаются от одного прикосновения, - такая миниатюрная; помню, что впервые встретив ее, я подумал, что она первокурсница.

Изящная, невинная и яркая.

- А я был удивлен. Не думал, что ты будешь встречаться с таким типом женщин.

- Типом?

- Постарше. Да еще и цветком, что растет на вершине горы.

- А... угу. Я и сам не думал.

Тот факт, что он попал мне в руки, поистине чудо.

- Эй, - сказал Судо с покрасневшимся лицом; кажется на него уже действовало саке. - Аой... это же...

- Помнишь, девушка его, но да забудь, - прервал Тани.

Я поблагодарил Тани взглядом.

Верно, прошло уже четыре года... Четыре года с того момента, как девушка по имени Аой Токо скончалась.

Второй курс старшей школы; я и Токо начали встречаться. Моя первая любовь. Я почти миновал подростковый возраст, и тяга к противоположному полу созрела довольно поздно; в средней школе я вообще не испытывал подобного чувства, и когда я впервые понял, что эта девушка мне нравится, оно полностью захватило меня.

Впервые я понял, что значили чувства этих парочек.

Я вправду любил.

Возможно, так полагают все в том возрасте, но я подумал, что больше никогда я не буду так любить во всю оставшуюся жизнь.

- Ты зажег курительную свечу?

Тани налил мне пива в стакан.

- Нет. Думал, завтра. Если бы я пошел сегодня, то испортил бы всем настроение своим угрюмым лицом.

- Вот оно что... ну да.

Я поблагодарил Тани, что приходится со мной возиться, и сразу опустошил стакан с пивом наполовину.

- И насколько ты? - спросил Тани.

- Скоро занятия, так что не надолго. Завтра я собираюсь посетить дом Токо... и могилу.

- Хм, на могилу давай вместе ходим. Я куплю цветы и свечи.

- А?.. А, хорошо. Спасибо.

Мы еще раз наполнили стаканы и произнесли тосты.

Я не в первый раз пил алкоголь. В пятнадцать лет я и Тани в тайне от родителей пробовали саке. Но сейчас, в двадцать лет, я как следует ощущал вкус; и пил так, словно пытался о чем-то забыть.

□

Этот небольшой городок в горах, названный нашими предками как Минекита, Токо называла Муми-Долиной. Себя она именовала Муми-троллем, а меня — Снусмумриком. В ту пору я совсем не собирался покинуть город после окончания старшей школы, но Токо, наверное, что-то такое предчувствовала. И если бы Снусмумрик взглянул на меня сейчас, который все-таки уехал прочь, он бы иронично усмехнулся. Но Снусмумрик возвращался в Долину весной. В Долине нет зимы.

Это маленький город. Но населения даже меньше, чем в селе. Построенный у подножия горы на высоте тысячи метров, в свое время, будучи ключевым транспортным пунктом железной дороги, город процветал. Однако, когда открыли тоннель в горах, о городке благополучно забыли; и теперь торговый квартал перед вокзалом утерять всякий признак давнего благополучия. Из-за ликвидации предприятий и снижения рождаемости, еще я слышал вчера от Тани о закрытии младшей школы, опустение города, полагаю, только продолжится.

Перед тем, как пойти в дом Токо, я ходил на вокзал. Перед входом на вокзал располагались множество запыленных ящиков для хранения, разумеется, такие же как и в Токио, например, но ни один из них не предназначался для электронного обслуживания; аналогового типа они принимали стойенные монеты, однако, как и аппаратах для общественных бассейнов, эту монету можно было вернуть. Почти у всех шкафчиков ключи либо заржавели, либо сломались; впрочем, в мои школьные года еще действовали шесть: 1-й, 2-й, 7-й, 13-й, 15-й и 21-й. Сейчас воспоминания о том, как старшеклассниками мы верили в слухи, вроде того, что в 13-м ящике в пятницу 13-го лежит голова или что, положив записку с желанием на Танабату в 7-й ящик, оно обязательно сбудется, вызывали легкую улыбку. Хотя теперь это не ящики, а превращенные людьми, не знающие толики воспитания, в мусорные помойки, на дверцах которых аэрозольной краской нанесли малопонятные знаки.

Я открыл 17-й ящик. У самого потолка стенку густо облепили кусками клейкой ленты; в центре что-то возвышалось. Сняв ленту, я взял предмет в руки. Ключ. На нем еле замечались циферки 21.

Подойдя к 21-му ящику, я вставил ключ, но рука не двигалась. Дверца шкафчика была слегка деформирована. Ухватившись за выступ, я потянул изо всех сил, и под ужасный скрип с отваливающимися кусками ржавчины дверца подалась. Очевидно, за эти несколько лет замок полностью пришел в негодность.

Я заглянул внутри. Песок, пыль, иссохшие листья, и довольно странная для этого места вещь. Бутылка рамунэ. Но вместо шара внутри лежал свернутый клочок бумаги. Видя растрескавшуюся бутылку, сразу ясно, она тут давно. Возможно, еще до того, когда был сломан замок, кто-то пользовался ящиком как местом для обмена записок. Осмотрев ящик, я не обнаружил больше ничего, кроме песка и пыли; вслед за чем аккуратно прикрыл дверцу.

Токо была единственным ребенком в семье; жила вместе с родителями и бабушкой. Говорят, что бабушка умерла через год. Я виделся с ней только раз. Токо отличалась от родителей, но была точной копией бабушки Касуми; такая же спокойная, веселая, добрая и мягкая, словно весеннее солнышко, и такая же загадочная.

Я позвонил в домофон двери дома, на табличке которого указывалась фамилия хозяев «Аой». Вскоре в двери появилась женщина, одетая в фартук. Мама Токо — Юкари. Я не виделся с ней четыре года, и выглядела она как-то болезненно. Может, так и положено. Ведь за эти самые четыре года она потеряла двух самых близких людей.

- Э... э-э, - и все-таки Юкари встретила меня так, словно мы герои какой-нибудь драмы, при этом легко улыбаясь.

- Прошу прощения за столь долгое молчание.

- Однако какие ты сложные слова стал говорить, - шутливо сказала Юкари, но только из заботы обо мне.

Честно говоря, разлука наша получилась весьма неловкой.

- Кажется, ты похудел? Слышала, ты поступил в университет в Токио. Я так волновалась, когда ты исчез.

- Простите. Я в порядке. Вы и сами, гляжу, похудели.

Ответом стала только улыбка.

- Ну, не стой, проходи. И Токо будет рада.

Когда я встречался с Токо, я несколько раз посещал ее дом. Токо имела привычку опаздывать, ее вечно что-то отвлекало, и отчего весьма скоро состоялась встреча с ее мамой. С отцом, занятого допоздна работой, и с бабушкой, которая из-за болезни ног не могла передвигаться, я виделся только раз. Как ни в чем не бывало, Токо приглашала меня в свою комнату, и потому во всем доме я хорошо знал только ее.

По пути в комнату Токо мы прошли в комнату в традиционном японском стиле. Раздвинув фусуму, я почувствовал характерный для татами запах ситника. В комнате был также установлен алтарь, с которого на меня взирали два покойных лица: Токо и Касуми.

Казалось, кто-то сдавил мое сердце и выжимал, будто тряпку. Два года я не видел ее фотографий. Фотографии, которые хранились на телефоне, я удалил самый день смерти. Оставшиеся лежали дома, глубоко запрятанные в шкафу; альбом же внутри головы я утопил в глубинах памяти. И вот я вновь ощутил приятный аромат шампуня, который исходил от волос девушки, малозаметные жесты, чувство прикосновения к ее коже, - воспоминания хлынули, как пузырьки газа из предварительно разболтанной бутылки с газировкой.

- Сейго? Ты в порядке? - слышался голос Юкари.

- Да, в порядке. Простите.

Я взял курительную свечу. Из курильницы шел легкий дым. Словно пытаюсь успокоиться, я вдохнул этот дым. На мгновение я засунул руку в правый карман брюк, но тут же вытащил.

- Простите. Я не совсем знаю, как ее зажигают... - повернулся я.

Юкари успокоила меня улыбкой.

- Все хорошо. Важно, что ты пришел и дал о себе знать. Токо непременно будет рада.

- Но не грубо ли по отношению к Будде...

- Будда великодушен, он и так догадается. Главное, это твое намерение.

Юкари всегда была такой. Она никогда не заикливалась, не уходила в себя, и в этом они с Токо были похожи. «Действительно, Токо ее дочь», - невольно возникала мысль.

Я зажег свечу, потушил пламя рукой и вставил ее в курильницу. В характерном аромате чувствовались нотки лета. Сложив ладони вместе, я поклонился; в этот момент впереди все поплыло, и я спешно зажмурил глаза.

- С того дня ты ни разу не приходил, - сказала Юкари, открывая дверь.

И снова хлынул фонтан воспоминаний.

В комнате Токо ничего не изменилось.

- Вот и ее комната; осмотрись. Я оставила все, как было. Думаю, здесь многое имеет собственное значение. Но что и какое, мы не знаем... Быть может, ты в курсе...

- Э-э... Даже не знаю, что сказать...

Токо в принципе не любила уборку. И вряд ли она вкладывала в предметы некий особый смысл; впрочем, для нее самой может они этот смысл и имели, но сейчас вряд ли возможно найти ответ.

- Если захочешь что-нибудь взять, бери. Полагаю, она и сама не будет против.

Когда я вошел внутрь, в воздух поднялась пыль. Юкари сказала, что она оставила все, как было; если быть точнее, она не могла иначе, как сохранить. Кажется, в этой комнате заперли дух еще жившей здесь Токо; но время умерло, воздух застоялся и вокруг витало ощущение смерти. Я словно шагнул в иное пространство.

Шаг за шагом я рассекал телом тяжелый воздух, и в памяти, как пузыри из пучины, воспоминания всплывали на поверхность. На книжной полке стояли рядом томики сёдзё-манги и научно-фантастические новеллы; Токо была еще тем романтиком. На столе царил порядок. Но из-за пыли оставалось непонятным изображение в состарившейся фоторамке. Кровать, на которой уже не спали годами... и на которой я два раза поцеловался.

Внезапно подступила рвота, но я спешно зажал рот рукой. Даже оправившись, я ощущал горечь во рту. Не подавая виду Юкари, я продолжил осмотр и заметил на полу брошенную тетрадь.

Это была тетрадь формата В5. Я поднял ее и отер пыльную обложку. Прочтя название, я замер.

«Тетрадь обмена».

В этот миг воспоминания, подобно высвободившейся бурлящей углекислоте, прорвали настоящую плотину.

<http://tl.rulate.ru/book/46089/1093169>